

Владимир часто выступает на поэтических мероприятиях в Петербурге и не только, временами ведёт ЛИТО А. Машевского. Помню забавный случай на Волошинском фестивале в Коктебеле, когда во время чтения стихов Владимиром Бауэром (кстати, представленным тогда как лучший певец эротики Санкт-Петербурга) упал в обморок один очень известный иностранный гость – пришлось тому оказывать первую помощь с последующей госпитализацией. Со стихами Владимира это, надеюсь, не связано, но с тех пор на чтения я беру с собой аптечку первой помощи. Владимиру удается пройти «по самой грани», не заступая, а это, согласитесь, признак профессионализма.

Д. Л.

* * *

Коллоквиум в доме учёных.
И кой меня чётр заволок?
Питомник девиц омрачённых
блюдёт комедьянт-филолог.
Священных теней власяницы
на запах сличают и зуб.
Открытий брадатых зарницы
суккубам втирает инкуб.
Культуры тоска мировая,
твой край не обрящет конца!
Смеяся и как бы играя,
эфир забивает пыльца.
Кривляется, сыплется, алчет,
плодится, не в силах объять.
Журнальные выдирки прячет,
подкорку кормя, под кровать.
Метафоры, как симулякры,
снуют, не прибрать их к рукам

рассеянным жертвам подагры,
витийных наук чудакам...
Ну, здравствуй, дыханье и пенье.
Вперёд! Тут – скала, там волна.
А здесь приберётся война.
До взрыва осталось мгновенье.

* * *

Не фартит, не форелится, хрупок фавор,
уползают друзья за туманный бугор,
ибо здесь с высоченного даже бугра
не увидеть просвет, не дожить до утра.

Чудаки! – в ожидании суетных утр
можно столько испробовать поз-камасутр,
что в рассвете пустом и нужды уже нет
нам, разнежившим трением внутренний свет.

Кто не чует хребтом брадобрееву длань?
Лишь ушедший далёко за разума грань.

В забугорье такое мне страшно пока,
да к тому же родная страна широка.

В ней легко затеряться иголкой в стогу
и глаголом колоть трусоватую мгу,
бородатую жуть, православную хмурь,
умножая стаканных подмножество бурь.

Можно прыгнуть и тут за пределы дерьма,
не расковав при этом копилку ума.
Провернув мандельштамовский этот кульбит,
будешь сладко дышать и надёжно забыт.

– Дыр бул щыл! – говорю тебе, морось и хмарь, –
я присяду, подвинься, хлебни мой вискарь.
Пей не морщась, чтоб вёл твой скрипящий авось
всё затейливей вкривь, всё забористей вкось.

* * *

– Оптимизируют, суки, потоки,
как их маркетинги, падлы, жестоки,
гимн из откопанных тропомузык –
смаден и тёмн законов язык!

– *Строки сии спрячь в укромные гроты, –
если найдут, загремишь в патриоты,
в неводах чьих до хрена мудаков.
Век не отмоешься от ярлыков.*

– Понаразвешали камер, ублюдки,
коих стесняются лишь проститутки.
«Столько бабла на безвредных блядей!» –
жабой придушен, шипит иудей.

– *Не оставляй доступ к файлам открытым:
если прочтут – станешь антисемитом.
Будешь распят в паутине лучей
жалящих, миндалевидных очей.*

– Необозримы, как овощебазы,
люди замороженный грабят лабазы.
Брошен спасти шум и ярость аорт,
редкий средину прошмякивал торт!

– *Весь этот бред утопи-ка в клозете:
час неровён, разстреляют соцсети.
Вряд ли на службу тебя кто возьмёт,
ежели ты террорист-тортомёт.*

Робкие трели, дыханье и шёпот.
Проклят давно уже внутренний опыт.
Мозг не свобода пьянит, но вина.
Плещутся черти в чернильнице сна

* * *

Заиндевшее индиго,
дитя мороза и севрюги,
в ночи несытой свищет дико,
тревожа призраков округи.

Занесено его сознание
крупой безумья бури щедрой.
Мужайся, Божее создание,
закусывая ужас гетрой!

Тебе, как отсвистишь, примстится
покой, во сне прогонит вьюгу
к чертям

Сидящего десница.
По правую, как пишут, руку.

* * *

На зрителей, укрытых в чреслах кресел,
взирает провиденциальный зрак.
Ему спектакль давно не интересен,
а также вихри яростных ватаг.

Но эти, вроде верящие в нечто,
пришедшие погреться у огня,

заносящего ночь...

Спешат беспечно
в Святой Буфет, ах – бормоча – *фигня*,
а – жалуясь – *и тут вторая свежесть*.
не чувствуя еще улыбки над
Того, кто, к ним испытывая нежность,
убрал к чертям «Сошествие во ад».

* * *

Теперь ряды мои редуют,
под пулями я упадаю,
а чай балтийский грудь не греет
опустошённую, когда я,
к мечте пристроившись щекою,
тянусь по сучьему велению
осоловелою строкою
за измотавшей душу тенью
(сморгни, увидь её другою).

*...В прокуренном трясясь с любимой,
на полке верхней качке вторя,
лететь к тоске неотвратимой
в глухой провинции у моря.*

*Пока вращаются колёсы
пущай очарованье тлеет.
пока попутчик красноносый
на нижней слушает, балдеет.*

*Предельной ясности уродцы
плясать начнут ещё не скоро,
из влажных уст не раздаётся
ещё упрека и укора...*

Отважней нету варианта.
Но отмахнешься – слюни, ересь.
сей город, где зима расселась.
нам не покинуть воровато.

Где лица постны и тверёзы,
где в духе чёрно-белой прозы
стихи слагают, а морозы
тут останавливают слёзы.

Околевай же сгустком были,
в которой тускло, слякоть, пенье.
При виде мест, где вместе были –
нелепое сердцебиенье.

* * *

В Германию, к маменьке – пошлость какая –
приехал, и стало вдруг скушно.

Какая

бодяга записывать это тупая,
с торпедою сравнивать тело трамвая.

Записки спалю эти не путевые.
Прямые ли улочки были, кривые,
сусального замка слюнявые башни
да мельницы ветряные на пашне...

– О чем, бишь, шумишь?

– Да, вот, знаешь, не знаю.

Слова в гармонический ряд расставляю.

На Дрезден взирая, ворочая выю,
игрушечную, вишь, пою ностальгию.

Любовь подвела и София свинтила.

Духовная пища с зубов крокодила
шипучкою адреналинной, летейской,
не балует ныне в ночи европейской.

... На звезды глядеть, слушать речь, не вникая,
мамзели грубить – *danke schon*, *Навзикая*.

И, тело восточногерманское холя,
надсады искать, и смущенья, и горя.

* * *

После нежности этакий нуль наступает
и молчание наше с тобой сепаратно.
Ветер носит лишь то, что собака наляет.
Пред глазами роскошные, жёлтые пятна.

Оживает лимонное слудое сердце,
наполняется заново фибрами пыла.
И напомнив себе чудака-иноземца,
улыбнущ и кивну, что бы ты ни спросила.

То, что сблизило нас, превратилось в какой-то
незатейливый миф, вариант Вавилона.
Нужен новый огонь, а иначе когорта
просочится теней из остывшего лона.

Этот сумрак, ворующий у прозябанья
формы внешние, способ слияния с серым,
между мной и тобой исказит расстоянье,
заморочит, отдаст на поживу химерам.

Ничего не получится без передышки,
без дремучего глада – ни рая, ни лая.
Но докурим – и только: *откуда дровишки?* –
сможешь выдохнуть, щепкой безумной пылая.

Я, наверно, уже обречён на такое
беспрестанное о ерунде говоренье.
Прижиматься в жару в переполненном стоя
под шаманскую музыку сердцебиенья.

И дракон одиночества дышит в затылок,
и проносятся скопом фальшивые ноты...

Ритуал из молчанья, улыбок, заминок,
бронзы новенькой, стёртой бельем позолоты.

* * *

– Нет у меня друзей, кроме подруг,
крашенных их очей, маникюрных рук,
трепет вечерний, утренний лёгкий стыд
люб, не могу...

– признавался седой пиит.

– Влага и нега у них обитают там,
где у друзей плотоядный сопел адам,
ярость и шум изрыгая, велик порой –
в час, когда не подагра и геморрой.

– Жизнь очень странно подводит, представь, итог –
с душ собирает накопленный треньем ток.
Видно, лишь этот страсти земной ампер
годен для поддержанья небесных сфер.

...Небо темнело, внимая хмельным речам.
Девочка пела, амур вынимал колчан.
Боги шипели: *шняга, шальная чушь!*,
в стекла шрапнеля градом замёрзших душ.

* * *

Видений стайку поредевшую
уж как не бережёшь в суетах,
и на подругу залетевшую,
запутавшуюся в поэтах,
как не сердиться ни стараешься

и любишь дуру напоследок,
а всё одно – развоплощаешься
в субъект, чей дух землист и едок.

И надо понимать отчётливо,
в ком не иссяк Грааль горенья,
воспользоваться чтоб расчётливо
энергией их заблуждения –
наивноглазых дивных мальчиков
и ведьмочек заворожённых,
к тебе, мелькнувшему в журнальчиках
десятком строчек искажённых
(ну да, кокетничаю, чё уж там, –
нам всем позволено не всё ли?),
ревниво льнущих робким шёпотом,
восторгом острым первой боли.

Дарья Бонет. Красная девочка.
Бумага, тушь, 30X30.